

ДЕЛО "УРАЛЬСКОГО ИНЖЕНЕРНОГО ЦЕНТРА"

Важной составляющей "большого поворота" от НЭПа к левацкому курсу, осуществленного партийным руководством страны во главе со Сталиным в конце 20-х гг., стало изменение политики в отношении старой технической интеллигенции, переход к ее разгрому.

10 марта 1928 г. в газете "Правда" появилось сообщение о том, что на Северном Кавказе, в Шахтинском районе Донбасса, органами ОГПУ, при полном содействии рабочих, раскрыта контрреволюционная организация, поставившая себе целью дезорганизацию и разрушение каменноугольной промышленности этого района.

На скамье подсудимых оказались 53 человека, преимущественно из числа местных специалистов.

Вскоре начались аресты среди старой технической интеллигенции по всей стране.

Через два года после процесса над "шахтинцами-вредителями" в печати появилось сообщение о раскрытии в СССР новой крупной вредительской организации - так называемой буржуазно-кадетской "Промышленной партии". Снова состоялся открытый показательный процесс (он проходил с 25 ноября по 7 декабря 1930 г.), на котором были не только государственные обвинители, но и защитники. Так как суд и его приговоры должны были, по замыслу власти, служить "орудием политической работы, ...задачам воздействия ...на широкие массы трудящихся..." (Н.В. Крыленко), материалы процесса широко освещались в печати, была издана и стенограмма судебного процесса. Чтобы придать процессу "громкий" характер, были подготовлен документальный фильм, демонстрировавшийся в кинотеатрах многих городов.

Указанные процессы над технической интеллигенцией сравнительно хорошо известны исследователям.

Гораздо меньше повезло делам осужденных членов так называемых региональных центров "Промпартии": инженеры, арестованные по этим делам, осуждались не на открытых процессах, а заочно, по решениям Коллегии ОГПУ. В печати эти постановления не оглашались. Власть ограничилась только сообщением, что членами "Промпартии" состоит 2 тыс. инженеров - фактически это явилось своеобразной разверсткой для ОГПУ (1).

Только в начале 90-х гг. исследователям стал доступен список инженеров, проходивших по делу так называемого "Уральского инженерного центра" ("Уральский центр "Промпартии"). Но до сих пор нет ни одной статьи об этом процессе.

В настоящем сообщении предпринята попытка сделать один из шагов в решении этой задачи.

Аресты специалистов, привлекавшихся по делу "Уральского инженерного центра", были проведены в основном в конце 1930 г. Всего было арестовано 19 человек, в том числе: 15 инженеров, один техник, один профессор-химик и два бывших белых офицера. В обвинительном заключении после стандартной формулировки: "Свержение Советской власти и восставление в СССР капиталистического строя в форме буржуазно-демократической республики" — отмечалось, что для достижения этой цели "инженерный центр" осуществлял следующие вредительские деяния: 1) Подготовка к сдаче в концессию крупных предприятий Урала путем "консервации" и "вложение крупных средств". 2) Создание "диспропорций между отдельными отраслями промышленности и цехами в заводах" для экономического кризиса. 3) Подготовка интервенции в 1930 г. через "диверсии, вывод агрегатов на предприятиях из строя" (2).

Сразу бросается в глаза несуразность первого пункта обвинения. Непонятно, как можно было готовить предприятия к сдаче в концессию одновременно и путем "консервации", и путем "вложения крупных средств". Но дело даже не в этом. Если быть последовательным, то ОГПУ должно было предъявить точно такое же обвинение всему партийному и хозяйст-

венному руководству страны во главе со Сталиным, которое не только готовило, но и сдавало крупные промышленные предприятия в концессии по всей стране и даже создало для этих "преступных" целей специальный орган - Главконцеском. Кстати, с таким же успехом можно было засудить по этому "обвинению" и покойного Ленина.

Что же касается второго и третьего пунктов обвинения, то они целиком построены на оговорах и самооговорах арестованных. Никаких других доказательств вины арестованных в материалах дела нет. Зато хорошо известно, что диспропорции в народном хозяйстве создавало само партийное руководство и лично Сталин после того, как был отвергнут сбалансированный умеренный план первой пятилетки и приняты волюнтаристские сверхпланы развития: на 1931 г., например, Сталин планировал 45% прироста промышленной продукции, а получилось - при всех жертвах! - только 20% (3). Таким образом, инженеры должны были отвечать за провалы партийной политики.

Логика фабрикаторов дела "Уральский инженерный центр" была нехитрой. Возглавляли "вредительскую организацию" наиболее крупные инженеры Урала: В.А. Гассельблат - главный инженер Магнитостроя, самый большой инженерный авторитет на Урале после вынужденного отъезда с Урала В.Н. Грум-Гржимайло, а также инженеры - члены Президиума Урал-облсовнархоза - М.А. Соловов и Б.С. Дунаев. Эти люди "вредили", по замыслу работников ОГПУ, во всей промышленности Урала.

В отдельных отраслях промышленности "вредительскую" работу "проводили", естественно, тоже наиболее крупные инженеры (техруки трестов, инспектора и заведующие отделами в УОСНХ по отдельным отраслям и т.д.). Так, например, "вредительством" в строительстве "руководили" бывший заведующий стройотделом УОСНХ А.А. Троицкий и техрук треста стройматериалов В.В. Миловидов, в асбестовой промышленности - техрук Ураласбеста И.Ф. Гергенредер, в горно-геологической области - техруки Горного треста П.А. Гирбасов и

Уралгеологокомитета - М.С. Волков, а также, "естественно", инспектор по горным делам УОСНХ В.И. Тибо-Бриньоль. "Вредительство" в металлургии возглавлял, "естественно", инспектор металлургического отдела УОСНХ А.Ф. Тшаковский, а в военной отрасли "вредили", "разумеется", заведующий военным производством Уралмашстроя М.А. Балакин и заведующий военным производством Лысьвенского Металлургического завода И.Н. Шуткин. Тот же механизм репрессий мы видим и по остальным отраслям: в энергетике, оказывается "вредил" заведующий энергетическим бюро УОСНХ Я.Н. Чупраков, в машиностроении - техрук Уралмаштреста Н.И. Папетов, в химической же отрасли - самый большой авторитет в этой области на Урале, ученый с мировым именем - профессор УПИ, директор УНИХИМа, консультант Северохима - А.Е. Маковецкий.

Очевидно, не следует мучить себя вопросом, почему были арестованы по данному делу именно эти, а не другие инженеры - работники ОГПУ просто выполняли директиву вышестоящих органов об обязательном аресте "по должности" всех ведущих инженеров Урала. Это подтверждается и тем, что параллельно с "Уральским инженерным центром", фабриковались отраслевые "вредительские организации", которые "возглавляли" опять-таки техруки трестов и главные инженеры строителств - были арестованы, например, такие талантливейшие инженеры, как главный инженер Уралгипромеза В.П. Крапивин, техрук Уралмета Н.В. Кашакашвили, техрук Уралугля С.Л. Петров, главный инженер Уралмедьстроя П.В. Гончаров, техрук Уралсельмаштреста В.И. Егоров и многие, многие другие (4).

Не был забыт и В.Е. Грум-Гржимайло, скончавшийся еще в 1928 г. В обвинительном заключении было сказано, что он являлся до 1924 г. основным организационным началом Уральской организации (5).

Для того, чтобы сделать более правдоподобным третий пункт обвинения (диверсия), к составу "Уральского инженерного центра" были приплюсованы два бывших белых офицера - Д.А. Антонов и И.М. Тимошин, которые якобы возглавляли

диверсионную сеть. Никаких доказательств виновности этих людей (кроме самооговоров) в деле, естественно, нет.

8 августа 1931 г. заочно решением Коллегии ОГПУ были осуждены 18 из 19 арестованных по делу "Уральского инженерного центра". На различные сроки заключения — от 5 до 10 лет (6).

По каким-то причинам из дела был выделен профессор Маковецкий. Его продержали в тюрьме до февраля 1932 г., после чего и он получил свой срок — три года высылки (7). Возможно, что такое длительное пребывание в тюрьме было мстью Маковецкому за его постоянные открытые высказывания о власти, которые, конечно же, не были комплиментарными.

Дальнейшая судьба осужденных по делу "Уральского инженерного центра" сложилась следующим образом.

В.А. Гассельблат умер на этапе в 1932 г. Отбыл 10-летний срок на Соловках М.А. Соловов, после чего в 1940 г. был освобожден.

В Сибирские лагеря (Кузбасслаг) были направлены горные инженеры В.И. Тибо-Бриньоль, А.А. Иванов и И.Ф. Гергенредер (последний в 1934 г. был переброшен на Урал на должность заместителя главного инженера "Союзасбеста").

Большую группу осужденных инженеров уже в 1931-32 гг. направили на Урал, где они начали работать на руководящих постах: Б.С. Дунаев работал главным инженером Александровского завода, Я.Н. Чупраков - начальником техотдела Надеждинского металлургического комбината, его заместителем был назначен А.Ф. Тшасковский. П.А. Гирбасов в 1931-33 г. работал главным инженером Надеждинского комбината, а с 1933 г. - главным инженером Калатинского медеплавильного завода. Были направлены на Урал также М.С. Волков (работал на Бредихинских копиях), И.Н. Шуткин, А.А. Троицкий - трудился на строительстве Синарского трубного завода, а также и М.А. Балакин - главным инженером завода № 78 в Челябинске. Есть сведения, что В.В. Миловидов в 30-е гг. находился на руководящем посту в г. Сухой Лог.

Для значительной части осужденных по делу "Уральского инженерного Центра" репрессии на этом не закончились.

Уже в 1933 г. был осужден за вредительство в Калате П.А. Гирбасов - он получил новый срок - 10 лет. В "мясорубке" 1937-38 гг. погибли Д.А. Антонов - расстрелян в 1937 г. по решению тройки УНКВД Кустанайской области, М.А. Балакин - расстрелян в 1938 г. в Москве, накануне ареста он работал главным инженером снарядного треста, Н.И. Папетов - в 1938 г. работал начальником дизельного бюро Уфимского моторного завода. Позднее были вторично репрессированы А.А. Троицкий - в начале 1941 г. он получил 10 лет, накануне ареста работал инспектором на железной дороге им. Кагановича (умер в Ивдельлаге в 1942 г.), В.В. Миловидов - в 1947 г. по решению Ярославского Облсуда получил 25 лет, Г.В. Рубинштейн в 1950 г. решением Особого Сопешания осужден на 10 лет, накануне ареста работал начальником лаборатории механического завода в г. Рыбинске. Освобожден в 1955 г.

Трагически оборвались жизни профессора А.Е. Маковецкого - в 1939 г. он покончил с собой, инженеров Я.Н. Чупракова и В.И. Тибо-Бриньоль. Первый в 1944 г. был сбит грузовоу машиной на улице г. Свердловска, второй - после долгожданного освобождения из Сибирских лагерей в 1941 г. безуспешно пытался устроиться на работу по специальности в Средней Азии, в 1942 г., уже тяжело больной, был вынужден вернуться в Кузбасс, где вскоре и умер. (8)

В чем же причины массовых репрессий против инженерно-технических кадров, проводившихся в конце 20-х - начале 30-х гг.?

В литературе отмечалось, что партийная верхушка во главе со Сталиным хотела свалить на ИТР все неудачи первой пятилетки (9). Но для этого, наверное, хватило бы нескольких показательных процессов над "вредителями". Между тем, в 1928-31 гг. происходили повальные аресты ведущих инженеров по всей стране. Арестовывались тысячи талантливейших технических работников. Не нужно быть гением, чтобы понять простую истину: арестовывая этих людей, власть обескров-

ливалась промышленный потенциал страны. Зачем это было нужно власти? Да и существовал ли в этом какой-то смысл? "В здравом ли уме власть?" скажет позднее В.И. Вернадский.

Попробуем ответить на этот вопрос.

Задумывая экспроприацию крестьянства, сворачивая остатки рыночных отношений, Сталин и его окружение, безусловно, опасались массовых народных волнений. В этих условиях увеличивались и шансы на успех интервенции извне. Власть не хотела терпеть наличие тысяч "агитаторов" в лице инженеров и техников, которые не скрывали своего отрицательного отношения к сворачиванию НЭПа. На совещании, которое проводилось Уралобкомом ВКП(б) в 1928 г., один из выступавших отметил, что "десятки наших инженеров мы знаем явно контрреволюционных на словах, но физически они не думают свои идеи провести в жизнь" (10). Однако и "контрреволюционность на словах" становилась очень опасной в условиях резкого ухудшения материального положения трудящихся после начала индустриализации и перехода к массовой коллективизации. Нужно было заткнуть рот инженерам, но сделать это было не так-то просто. После отказа от более или менее научно обоснованного планирования 20-х гг., с переходом к гигантомании первой пятилетки инженеры не могли не уловить всю фальшь и опасность грандиозных сталинских планов. Вольно или невольно они становились критиками партийной политики, ведущей к обнищанию, голоду. ОГПУ фиксировало многочисленные выпады инженеров в адрес первой пятилетки. Например, в одну из сводок ОГПУ были занесены слова инженера М.А. Соловова, что в результате пятилетки "дома будут крыты не соломой, а железом, а в желудке будет вместо хлеба солома".

Следует помнить и о другом. Советская власть с самого начала объявила об "использовании" старых специалистов. По сравнению с их "уничтожением" это, конечно, более либеральная политика. Но, увы, "использование специалистов" далеко не равнозначно признанию их самооценности. Старые

инженерные кадры всегда оставались чужими для Советской власти.

Сидя в тюрьме, уральский инженер Н.В. Ордынский с горечью писал, что "все время работы при Советской власти до самых последних дней всегда чувствовал и видел, что нас только "ТЕРПЯТ" и стараются выжать из нас все, как лимон, и после этого выбросить без всякого зазрения совести, как ненужную вещь. Этого я никогда не мог простить Советской власти..." (11). Со второй половины 20-х гг. вузы начали выпускать новые "пролетарские кадры" - дипломы стали получать студенты, обучающиеся уже после "пролетаризации вузов" 1921-22 гг. Это были значительно более низкие по техническому уровню кадры, нежели специалисты старой школы, но зато - и это было главным - это были "свои" кадры, считающие Советскую власть "своей", "кровной".

Вероятно, у многих руководителей просто "чесались руки" расправиться, наконец, с "хламом" - старыми специалистами - и заменить их "своими", "пролетарскими" кадрами.

Инженерными талантами было решено пожертвовать. Старых инженеров нужно было "перевоспитать" - приспособить их к новой, бюрократической системе, в которой они становились не творцами, а винтиками-исполнителями, либо уничтожить. Следует отметить, что власть в 1928-31 гг. пытались именно "перевоспитать" (разумеется, присущими ей лагерными методами), а не уничтожить старые инженерные кадры.

Политика террора по отношению к своему же народу, в том числе и к интеллигенции, выросла из потребности постоянно и повседневно ломать как действительное, так и воображаемое сопротивление. Репрессии призваны были "отводить" потенциальную угрозу сталинскому режиму еще до того, когда она могла стать реально опасной для его существования.

Теперь уже очевидно, что партийно-государственная политика, проводимая в отношении научно-технической интеллигенции в течение десятилетий, не была случайной. Советский политический режим искал и находил способы, позволявшие

любой ценой удерживать власть. В этих условиях репрессии становились важнейшим инструментом управления.

Примечания

1. Процесс "Промпартии". 25 ноября - 7 декабря 1930 г.: Стенограмма судебного процесса и материалы, приобщенные к делу. М., 1931. С.14.

2. ГААОСО. Ф.1. Оп.2. Д.43927. Т.21. Л.1.

3. Лацис О. Перелом // Знамя. 1988. № 6. С. 130.

4. ГААОСО. Ф.1. Оп.2. Д.43927. Т.23. Л.179, 187, 192.

5. Там же. Т.21. Л.47.

6. Там же. Т.1. Л.182.

7. Там же. Т.14. Без листа.

8. ГААОСО.Ф.1. Оп.2. Д.43927. Т.23. Л.45, 106, 324-354, 360, 396-399; Д.15802. Т.1. Л.87-124; Д.21439. Т.1. Л.104; Научно-техническая интеллигенция Урала в 20-е - 30-е годы: дела и судьбы. Екатеринбург, 1993. С.88-90, 95-97; Данные "Мемориала" Свердловской области.

9. Куманев В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991. С.49, 106. Отметим примечательный факт. Еще в июле 1928 г. В.Е. Грум-Гржимайло вскрыл подоплеку фальсифицированных судилищ. В заявлении, направленном начальнику Главметалла ВСНХ В.И. Межлауку, он писал, что большевики "ухватились за шахтинский процесс как за возможное оправдание своих неудач". См.: В.Е. Грум-Гржимайло. Хочу быть полезным Родине. Екатеринбург, 1996. С.268.

10. ЦДОСО. Ф.4. Оп.6. Д.56. Л.9-10.

11. ГААОСО. Ф.1. Оп.2. Д.43933. Т.4. Л.56.